

Ernest Hemingway

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X37

Серия «По ком звонят колокола»

Ernest Hemingway
A FAREWELL TO ARMS

Перевод с английского *С. Таска*

Художник *С. Логинов*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross. Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

X37 Прощай, оружие! : [роман] / Эрнест Хемингуэй ; [пер. с англ. С. Э. Таска]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (По ком звонят колокола).

ISBN 978-5-17-099518-9

Роман, прославивший Эрнеста Хемингуэя...

Первая — и лучшая! — книга «потерянного поколения» англоязычной литературы о Первой мировой...

Книга о войне, на которой наивные мальчишки становились «пушечным мясом» — и либо гибли, либо ожесточались до предела.

О войне, где любовь — лишь краткий миг покоя, не имеющих ни прошлого, ни будущего...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1929

© Перевод. С. Таск, 2015

ISBN 978-5-17-099518-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

В тот год, поздним летом, мы жили в деревенском доме, откуда открывался вид на горы, отделенные рекой и равниной. Вдоль русла валялись высушенные, выбеленные солнцем голыши и булыжники, а по протокам быстро неслась прозрачно-голубая вода. По дороге мимо дома шли войска, и поднятая ими пыль оседала на кронах деревьев и на стволах, а листья в тот год опали рано. Мы видели, как шагают по дороге солдаты, поднимая пыль, и как падают листья под порывом ветра, но вот солдаты уходили, и оставалась пустая, выбеленная дорога, если не считать опавшей листвы.

Равнина утопала во фруктовых садах, а за ней коричневели голые горы. В горах шли бои, и по ночам можно было видеть артиллерийские вспышки. В темноте это походило на летнюю зарницу, но ночи стояли прохладные, никаких признаков надвигающейся грозы.

Иногда в темноте мы слышали под окнами мерный топот и гул тягачей, волокущих артиллерийские орудия. По ночам движение возрастало: шли мулы с выючными седлами, а по бокам у них болтались коробки с боеприпасами, серые грузовики везли людей, за ними тянулись другие — с ящиками снарядов, накрытых брезентом. Случалось, что и днем тягачи провозили тяжелые орудия со стволами, прикрытыми зелеными ветками и выющимися растениями. На севере просматривалась

долина, за ней каштановая роща и еще одна гора по эту сторону реки. За гору тоже шли бои, но безуспешные; осенью зарядили дожди, листва с каштанов облетела, мокрые стволы почернели. Виноградники тоже поредели и оголились, и сама деревенская округа вымокла, порыжела и увяла вместе с осенью. Над речкой повисли туманы, а над горой облака, из-под колес грузовиков разлеталась жидкая грязь, и солдаты топали по дороге в промокших грязных накидках, оттопыренных на животе из-за двух пристегнутых к ремню кожаных патронташей, набитых под завязку узкими длинными патронами калибра шесть с половиной миллиметра, так что казалось, будто они на шестом месяце.

На огромной скорости, разбрызгивая больше грязи, чем тягачи, проносились серые легковые автомобили; впереди, рядом с водителем, обычно сидел офицер и еще несколько на заднем сиденье. Если сзади между двух генералов обнаруживался офицерик такого росточка, что можно было разглядеть лишь верх его фуражки да узкую спину, и при этом автомобиль мчался особенно быстро, то это скорее всего был король. Он жил в Удине и почти каждый день проезжал мимо, чтобы посмотреть, как идут дела, а дела шли хуже некуда.

С наступлением зимы зарядили дожди, а с ними пришла холера. Но ее взяли под контроль, так что в результате от нее умерли только семь тысяч военнослужащих.

Глава вторая

Следующий год принес много побед. Мы отбили гору, что за долиной, и холм с каштановой рощей, и были победы в южном направлении, на плато за равниной, а в августе мы форсировали реку и поселились в Горичии, в доме с фонтаном и мощными тенистыми дере-

вьями в саду за каменной стеной и пурпурными побегами глицинии на боковине самого дома. Теперь бои шли в ближних горах, меньше чем в миле от нас. Городок был чудесный и дом прекрасный. Река осталась сзади, город достался нам как на блюдечке, а вот горы взять не удалось, и оставалось только радоваться тому, что австрийцы, судя по всему, намеревались когда-нибудь, если война закончится, вернуться в городок, так как они не старались его разрушить с помощью своей артиллерии, а наносили, с военной точки зрения, минимальный урон. Жизнь продолжалась, с военными госпиталями и кафешками, с тяжелыми орудиями в перелуках и двумя борделями, для офицеров и для солдат, кончилось лето, ночи стали прохладнее, в горах шли бои, железнодорожный мост получил отметины от снарядов, тоннель возле реки разрушили во время сражения, зато стояли нетронутыми деревья по периметру площади и на ведущей к ней длинной аллее; это, вкупе с приехавшими в город девочками и проезжающим неспешно в автомобиле королем, чье лицо с седой бородкой, похожей на клочок волос на том же месте у козла, теперь можно было порой разглядеть помимо тщедушного тельца с вытянутой шеей; все это, вместе с неожиданно открывшимися интерьерами домов, потерявших одну стену после прямых попаданий, и груд обломков кирпичей и штукатурки в прилегающем садике, а то и на улице, и удачным наступлением на гору Карсо, делало осень столь непохожей на прошлогоднюю, когда мы жили в деревне. Изменился и ход войны.

От дубовой рощи на горе осталось одно воспоминание. Летом, когда мы вошли в город, она стояла зеленая, а сейчас лишь пни, да обрубки стволов, да вывороченная земля, и как-то в конце осени я оказался на месте бывшей рощи и увидел наплывающее облако. Оно двигалось очень быстро, и солнце потускне-

ло, и все сделалось серым, небо заволокло, облако накрыло гору, и вот уже всюду снег. Его косило ветром, он покрывал голую землю и торчащие пни, снег лежал на орудиях и заметал дорожку, что вела к сортиру позади траншей.

Позже, уже в городе, я наблюдал за падающим снегом из окна борделя для офицеров, где мы с приятелем распивали бутылку асти, и, глядя на обильный снегопад, понимали, что военная кампания этого года закончилась. Горы так и не взяли — ни в верховьях реки, ни за ней. Эта задача перенеслась на следующий год. Мой приятель увидел, что по улице, старательно обходя грязь, идет полковой священник, с которым мы встречаемся в офицерской столовой, и постучал в окно, чтобы привлечь его внимание. Священник задрал голову, увидел нас и улыбнулся. Мой приятель сделал ему знак — мол, заходите. Священник покачал головой и пошел дальше. Вечером в столовой народ быстро, со знанием дела наворачивал спагетти: кто-то сначала поднимал их на вилке и, лишь оторвав от тарелки, отправлял по назначению, другие одним движением всасывали в рот, запивая вином из четырехлитровой плетеной фляги. Фляга раскачивалась в железной люльке, ты наклонял ее указательным пальцем, и отличное прозрачное вино красного дубильного цвета выливалось в стакан, который надо было держать в той же руке. А после спагетти капитан начал подтрунивать над священником.

Молодой священник, красневший, как девица, был в такой же, как у всех, военной форме, только над левым нагрудным карманом серого френча болтался темно-красный бархатный крестик. Капитан в расчете на меня, чтобы я все понял и ни одна шутка не пропала даром, перешел на ломаный итальянский.

— Сегодня святой отец с девочки, — сказал капитан, переводя взгляд со священника на меня. Священник покраснел и с улыбкой покачал головой. Ему часто доставалось от капитана.

— Не так? — удивился капитан. — Сегодня я видеть святой отец с девочки.

— Нет, — ответил священник. Офицеры тащились от этих наездов.

— Святой отец без девочка, — продолжал капитан. — Совсем без девочка, — пояснил он для меня. Потом взял мой стакан и стал подливать, при этом не сводя с меня глаз, но и не выпуская из виду священника.

— Святой отец каждую ночь пять девочки. — За столом все засмеялись. — Вы поняли? — Святой отец каждую ночь пять девочки. — Он показал пятерню и расхохотался. Священник отнесся к этому как к шутке.

— Папа римский хочет, чтобы австрийцы выиграли войну, — сказал майор. — Ему нравится Франц-Иосиф. Вот от кого идут денежки. Я — атеист.

— Вы «Черную свинью» читали? — спросил лейтенант. — Я вам достану. Эта книга пошатнула мою веру.

— Грязная и подлая, — ответил священник. — Она не могла вам понравиться.

— Очень ценная книга, — возразил лейтенант. — Она рассказывает о церковниках. Вам понравится, — обратился он ко мне.

Мы со священником обменялись улыбками, нас разделяла горящая свеча.

— Не читайте, — сказал он.

— Я вам ее достану, — настаивал лейтенант.

— Все мыслящие люди атеисты, — заметил майор. — В масонов я тоже не верю.

— Я верю в масонов, — заявил лейтенант. — Достойная организация.

Кто-то вошел в столовую, и через открытую дверь я увидел, что валит снег.

— Из-за снегопадов о наступлении придется забыть, — сказал я.

— Само собой, — отозвался майор. — Берите отпуск. Посмотрите Рим, Неаполь, Сицилию...

— Пусть съездит в Амальфи, — предложил лейтенант. — Там живет моя семья. Я вам напишу рекомендательное письмо. Они вас примут как сына.

— Пусть едет в Палермо.

— На Капри.

— Почему бы вам не заглянуть в Абруцци и к моей семье в Капракотте, — сказал священник.

— Абруцци, скажете тоже. Да там снега больше, чем здесь. Что он, крестьян не видел? Пусть посмотрит центры культуры и цивилизации.

— Ему нужны хорошие девочки. Я вам дам адреса в Неаполе. Юные красотки... а при них мамочки. Ха-ха-ха!

Капитан выставил пятерню большим пальцем вверх, как это делают, демонстрируя игру теней на стене. Он снова заговорил на ломаном итальянском.

— Уезжать таким, — он показал на большой палец, — а назад таким, — он потрогал свой мизинец.

Все засмеялись.

— Смотрите, — продолжил капитан. Он снова растопырил пятерню. И снова горящая свеча показала ее тень на стене. Он стал называть пальцы, начиная с большого: — *Soto tenente, tenente, capitano, maggiore, tenente colonello**. Вы уезжать *soto tenente*! А возвращаться *tenente colonello*!

* Младший лейтенант, лейтенант, капитан, майор, подполковник (*итал.*).

Общий хохот. Игра на пальцах имела большой успех. Капитан крикнул, глядя на священника:

— Святой отец каждую ночь пять девочки!

Все снова засмеялись.

— Поезжайте прямо сейчас, — сказал майор.

— Я бы поехал с вами и все вам показал, — подхватил лейтенант.

— Привезите фонограф.

— Привезите хороших оперных пластинок.

— Карузо.

— Не надо Карузо. Он вопит.

— Тебе бы так.

— А я говорю вопит!

— Почему бы вам не заглянуть в Абруцци, — повторил священник сквозь разноголосицу. — Там хорошая охота. Люди вам понравятся. Там холодно, зато ясно и сухо. Вас примут в моем доме. Мой отец — заядлый охотник.

— Пошли, — сказал капитан. — Идти в бордель, пока не закрылся.

— Спокойной ночи, — пожелал я священнику.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Глава третья

Когда я вернулся из отпуска, мы по-прежнему стояли в этом городке. Окрестности заполнили тяжелые орудия. Была весна, зеленели поля, на виноградной лозе появились новые побеги, а на придорожных деревьях листочки, и с моря веял легкий бриз. Я увидел городок и старый замок на холме, и вдали горы, буроватые горы с зелеными проплешинами на склонах. В городке появилось больше орудий и новые госпитали, на улицах встречались англичане, в том числе женщины, еще ка-

кие-то дома пострадали от артобстрела. Было по-весеннему тепло, и, пройдя по аллее, обсаженной деревьями, вобравшими тепло нагретых солнцем кирпичных стен, я обнаружил, что мы живем в том же доме и что он несколько не изменился за время моего отсутствия. Дверь была нараспашку, на скамейке сидел солдат, греясь на солнце, у бокового входа стояла «санитарка», и, когда я вошел, повеяло запахами мраморной плитки и больницы. Все как всегда, только на дворе весна. Я заглянул в большую комнату, залитую солнцем сквозь открытое окно. За столом сидел майор, он меня не видел, и я замешкался: то ли войти и доложить, то ли сначала подняться наверх и привести себя в порядок. Я решил подняться наверх.

Комната, которую я делил с лейтенантом Ринальди, была с видом во двор. Окно нараспашку, моя кровать застлана одеялом, на стене висят мои вещи и на одном крючке противогаз в продолговатой жестяной коробке и стальная каска. В изножье кровати, на плоском сундучке, мои зимние кожаные ботинки, блестящие от жира. На стене моя австрийская снайперская винтовка с восьмигранным стволом из вороненой стали и удобным прикладом из красивого темного грецкого ореха. Оптический прицел к ней, помнится, заперт в сундучке. Лейтенант Ринальди спал на своей кровати. Услышав шаги, он проснулся и сел на постели.

— Сiao! — сказал он. — Как провел время?

— Лучше не бывает.

Мы обменялись рукопожатием, он за шею привлек меня к себе и поцеловал.

— Уф, — вздохнул я.

— Ты грязный, — сказал он. — Тебе надо помыться. Где был, что делал? Ну-ка, выкладывай.

— Где я только не был. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь, Вилла Сан-Джованни, Мессина, Таормина...

— Звучит как расписание поездов. А красивые приключения?

— Да.

— Где?

— Милан, Флоренция, Рим, Неаполь...

— Довольно. Расскажи о самом лучшем.

— В Милане.

— Это потому что ты с него начал. Где ты с ней познакомился? В замке Кова? Куда вы пошли? Как это было? Рассказывай как на духу. Ты с ней провел ночь?

— Да.

— Забудь. У нас теперь такие красотки. Первый раз на фронте.

— Здорово.

— Не веришь? Вечером пойдем и сам увидишь. А еще в городе появились шикарные англичанки. Я влюблен в мисс Баркли. Я вас познакомлю. Я, наверно, женюсь на мисс Баркли.

— Мне надо умыться и доложить о прибытии. Кто-нибудь вообще работает?

— У нас тут сплошной лазарет: обморожения, желтуха, триппер, членовредительство, пневмония и шанкры, твердые и мягкие. Иногда на кого-нибудь падает кусок скалы. Но бывают ранения и посерьезнее. На следующей неделе военные действия возобновляются. Наверное. Так говорят. Как считаешь, мне следует жениться на мисс Баркли — само собой, после войны?

— Непременно, — ответил я, набирая полный таз воды.

— Вечером ты мне все расскажешь, — сказал Ринальди. — А сейчас я должен поспать, чтобы встретить мисс Баркли свежим и красивым.

Я снял китель и нижнюю рубашку и вымылся холодной водой из таза. Растираясь полотенцем, я осматривался вокруг, поглядывал в окно и на Ринальди,

лежавшего на кровати с закрытыми глазами. Он был хорош собой, мой сверстник, родом из Амальфи. Он любил свою профессию хирурга, и мы были хорошими друзьями. Пока я на него смотрел, он открыл глаза.

— У тебя деньги есть?

— Да.

— Одолжи мне пятьдесят лир.

Я обтер руки и достал бумажник из внутреннего кармана висевшего на стене кителя. Ринальди, не приподнимаясь, взял банкноту, сложил ее, сунул в карман бриджей и улыбнулся:

— Я должен произвести на мисс Баркли впечатлительное человека с достатком. Ты настоящий друг и мой финансовый покровитель.

— Да пошел ты, — сказал я.

Вечером в офицерской столовой я оказался рядом со священником, и он расстроился и даже обиделся, что я так и не побывал в Абруцци. Он написал отцу, что я приеду, и они готовились к встрече. Я расстроился не меньше его и сам не мог понять, почему туда не съездил. Я ведь хотел поехать и теперь пытался объяснить, как закурился, и в конце концов он понял, что я действительно хотел поехать, и все более или менее устаканилось. Я пил много вина, а потом кофе с травяным ликером и, подвыпив, объяснял, как у нас не получается делать по задуманному, никогда не получается.

Мы вдвоем разговаривали, пока вокруг шли споры. Я хотел поехать в Абруцци. Но так и не побывал в местах, где промерзшие дороги сродни прокатной стали, где по-настоящему морозно и сухо, и снег сухой и рассыпчатый, а на снегу заячьи следы, и крестьяне снимают шапки и обращаются к тебе «дон», и охота что надо. Я так и не побывал в тех местах, а поехал туда, где допоздна сидишь в прокуренных кафе, а потом комната плывет у тебя перед глазами и, чтобы ее остановить, на-

до сфокусировать взгляд на стене, и ночью, пьяный, лежишь в постели, понимая, что все закончилось, а утром просыпаешься в радостном недоумении, не соображая, кто лежит рядом, и мир кажется в темноте каким-то нереальным, и это так возбуждает, что хочется в ночи начать все с начала, ничего не знаящим и беспечным, понимающим, что все, все, хватит, и тебе уже безразлично. Вчера ты был чем-то сильно озабочен, но вот проснулся поутру, и все это осталось там, а сейчас все так отчетливо, жестко и ясно, а тут еще поцапаешься по поводу цены вопроса. Иной раз все как-то ничего, по-прежнему тепло и полюбовно, впереди завтрак, потом ленч. А в другой раз ни одного теплого слова, и ты рад, что наконец вырвался на улицу, но впереди такой же день и такая же ночь. Я пытался рассказать про ночи и про разницу между ночью и днем, что ночью лучше, разве что день очень ясный и холодный, но этого не объяснишь, как я не могу объяснить это сейчас. Просто ты это знаешь, если сам пережил. Он такого не пережил и все-таки понял, что я действительно хотел поехать в Абруцци, но не доехал, и мы остались друзьями, в чем-то схожими, а в чем-то нет. Он всегда знал что-то такое, чего не знал я, а узнав, легко забывал. Но тогда я этого еще не понимал, до меня это дошло позже. А пока мы все сидели в столовой, трапеза давно закончилась, но споры продолжались. Наш разговор оборвался, и капитан заявил во всеуслышание:

— Святой отец скучать. Он страдать без девочка.

— Я не страдаю, — отозвался священник.

— Святой отец страдает. Он хочет, чтобы войну выиграли австрийцы, — настаивал капитан. Все обратились в слух. Священник покачал головой.

— Нет, — сказал он.

— Святой отец не хочет, чтобы мы шли в атаку. Вы же не хотите, чтобы мы шли в атаку?